

Давних авторов наших и дорогих друзей – Сергея Куняева и Юрия Павлова – с выходом на очередной временной рубеж и с надеждой, что и он будет не менее плодотворен и эффективен, чем прежние. Многая лета, здравья и счастья вам на выбранном творческом поприще!

К 60-летию Сергея Куняева

Юрий ЛОЩИЦ

Широко бытующий в научной среде “академический” пошиб знаменовать даже промежуточные юбилеи своих почтенных коллег научными конференциями, сборниками статей, посвященных чувствуемому лицу, с неперенным перечнем всех до единой опубликованных им книг, статей, брошюр и проч. (как будто все-все до единой не полиняли от времени), – этот моветон, доставшийся нам по наследству от советской поры, – прилипчивый лыстовый чешоткой перебирается из научной среды и в литературную. Причем, здесь даже сроки чествований иногда прытко смещаются в сторону чего-то и кого-то совсем уж младого, незнакомого... Помню, однажды мелькнуло в писательском еженедельнике приглашение на вечер к поэту, решившему отметить уже и... 35-летний свой “юбилей” (не из опасения ли, что вдруг и он, подобно Пушкину, Лермонтову, Есенину и Рубцову, покинет сей мир, так и не вкусив первой круглой даты и чествования в Большом или хотя бы Малом зале ЦДЛП?).

Грешным делом, что из нас – своим громким именем даже тихим соучастием в приветственных кантатах по случаю таких или им подобных ранних “слав” – ни разу не отметился? Вот почему, узнав об участии, уготованной ныне и Сергею Куняеву, я нештучно растерялся. Отчего, казалось бы? К молодым его никак уже не отнести. Один юбилей, помнится, уже позади. Но ведь и к маститым старцам тоже не причтешь. Как для кого, а для меня он – зрелый средовек. А значит, до большой годины есть время и погодить.

Но уже и сегодня его имя вовсе не обязательно опираться, – а это многим по инерции делается, – на безусловно большое отчество. Дело не только в том, что Куняев-младший издавна самостоятелен в литературном поиске и находках. Вспомнить хотя бы его книги “Жертвенная чаша”, “Русский беркут” или полностью скомпонованные им одноклассники Павла Васильева и Сергея Маркова.

Несмотря на безусловно счастливую событийность для него, как и для Станислава Юрьевича, Куняева-отца, их совместно выстраданной выдающейся диалогической книги о Сергее Есенине, не покидает, а раз от разу прирастает уверенности, что не будь у них этого соавторства, – с его неминуемым, хотя на поверхности и не проявленным присутствием наставничества и ученичества, опыта и горячности, – всё равно сын в обилие острого напористого критика, а ещё более в статусе проницательного, цепкого, жистлого литературоведа в свой черёд бы неминуемо состоялся.

Тому подтверждением – его вторая работа для серии “ЖЗЛ”, биография Николая Клевева. Здесь уже совершенно самостоятельный, иногда до отчаяния дерзкий вылет из отцова гнезда, “из лона отчего”, по слову Аполлона Григорьева. Материал труднейший, противоречивый – и в чтении, а уж тем более в авторском преодолении. Герой жизнеописания то проваливается в невестку какую общелюдскую трясину, беззащитную даже от inferнальных наваждений, то, будто стряхнув с кожи и выметая из самой души нарощие коросты, высвобождается для чистейшего вдоха-вдохновения через херувимской песни... Почему-то кажется, Сергей Куняев будет ещё возвращаться к напечатанному, с желанием что-то заново переписать, что-то снести до сухой, всего в полстранички, констатации, а от чего-то напрочь отказаться, как от непостижимой тайны, подвластной уже вовсе не людскому суду и решению. В любом случае, перед нами книга-поступок. Не удивлюсь, если однажды окажется, что он – поступок дядицкий.

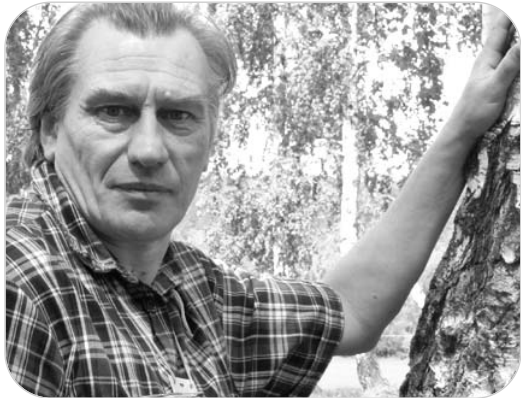
Каждому возрасту достаются свои, каких, казалось бы, и в природе вовсе не существует, испытания. Лишь бы хватало накопленного опыта, выдержки, чтобы в препоясанном облике встречать и самое непредвиденное. К примеру, не покажется ли пустяшным испытание столь сейчас лестной “славой” модных имён, с их всезоранной раскрученностью, будто скопом надиктованной из курирующей инстанции, когда вдруг подступит из тех же сфер испытание упорным, непробиваемым, как крепостная толща, тотальным умолчанием?..

“Наш современник”, где давно уже и неустан-

но трудится Куняев-младший, сейчас, как никогда, пожалуй, стоит на юру, на жёстких сквозных продувах. Слишком многие, нагнетая угрюмо-ухмыльное молчание, ждут не дождутся, что же будет дальше с “народным журналом”. Как долго удержит он свою привычную художественную и гражданскую статью, оказавшись без Белова и Распутина, без Кожина, Юрия Кузнецова, Михаила Лобанова. А значит, ждут, среди прочего, и ещё одну обещанную книгу Сергея Куняева – о Вадиме Кожине. Ведь не скрыто же от всех сведущих, что Вадим Валерьевич в пору редакторства Куняева-старшего пребывал, по сути, мирским духовником журнала. От того, насколько твёрдо и недвусмыс-

В контексте Большого Времени

ленно, даже на доктринальном уровне, не впадая ни в преувеличения, ни в скорговку, обозначит биограф этот идеосный вклад своего героя, будет зависеть и ранг всей его книги. И, не в последней мере, дальнейшая судьба самого журнала.

Пётр КРАСНОВ

Оглядываясь на прошлое – своё и тех друзей своих, которых сохранило безжалостное время, – понимаешь, как нам, в сущности, повезло в непростых всегда обстоятельствах выбора жизненного дела и самого пути своего. Волею ли слепого случая, предназначения ли вышнего или в меру собственных устремлений, но были мы в молодости своего рода зародышами того, что из нас могло выйти дельного – или не выйти... пробы пера, так сказать, пробы личности.

Именно тогда, в самом начале восьмидесятых, сошёлся я в числе многочисленных по молодости друзей-приятелей с Сергеем Куняевым, совсем ещё юным, но с неукротимой жадой познания всего и вся. Я был тогда уже “конченный” прозаик, но стал ходить с ним на камерные, всего с десяток человек, встречи с Арсением Тарковским, чрезвычайно интересным в общении, а следом и в штудии критика Анатолия Ланцовича. Вообще же сам Центральный Дом литераторов был такой же, только большой штудией и с научными многообразными своими, и с социальными немалыми и опасностями, – какой и поднимал на крыло, а порою и губил литературные судьбы в самом зачатке. Роились там и сынки-дочки московских писателей, одолеть пытались высокий порог пресловутого закона, по которому талант во втором поколении якобы “отдыхает”, и совсем уж мало кому из них это удавалось...

Наверное, изрядная доля правды в этом написанном законе была и остаётся – но не для Куняевых, не для Сергея. Его въедливость (назову это так), унаследованная от отца, в решении любой, не только литературной проблемы сразу отличала его от многих из стайки довольно ветреных, окопелитурных ещё сверстников. Она, можно сказать, и стала основой его творческой личности – вместе с удивительной в таком возрасте эрудицией и тонким, выработанным “сыздетства” вкусом.

И далее, как я понимаю, всё было только за трудом саморазвития всех этих задатков и способностей, с чем он справился достойно, ни в чём не подводя своих учителей. В соавторстве с отцом написанная для ЖЗЛ книга о Сергее Есенине – лучшее, считаю, что я когда-либо читал о поэте, по полноте и документированной

правде его драматической судьбы.

Но такие же насыщенные достовернейшими материалами и документами книги-исследования уже “сам себе хозяином” написал Сергей о Павле Васильеве и Николае Клеве. Читая их, просто поражаешься тому, какой громадный объём архивных и прочих данных пришлось перелопатить ему, чтобы, по сути, воскресить в суровое время во всей полноте и противоречиях его, в трагическом и одновременно пассивном изломе всей русской жизни, повернувшей в новую, никем ещё не испытанную реальность, на ходу строившей эту реальность – русский социализм... И, примеряя к себе этот труд собирания и выстраивания сложнейшего

контекста, удручённо думаю: нет, не потянул бы, ещё на дальних подступах в сомнения впал бы, отказался...

Вместе с другими работами эти книги составили своего рода энциклопедию литературной жизни страны 1900-1940 годов, настолько ёмко и ярко, историсофски осмысленно подняв в них и подан огромный пласт всяческих документов, писем, воспоминаний тех лет. Но мало было и этого, надо ещё и пропустить всё через себя, через умосердечное своё, “войти в резонанс” с высоким лиризмом тех наших исповедников Поэзии – и Сергей Куняев сделал это блестяще, выказав и своё собственное и незаурядное лирическое начало, столь редкое в литературоведении, критике вообще. И тем самым, я убеждён, вошёл в немногую ныне числом когорту лучших литературных исследователей у нас в стране, да, пожалуй, и в мире.

А потому календарный юбилей, никак не сообразующийся с молодой жизненной энергией, с творческим расцветом моего друга, – мой лично и наш общий праздник. И если что пожелаю ему, то, конечно же, новых исследований и книг для нас, друзей, читателей его и почитателей. А всё остальное, слава Богу, у него есть.

Наталья ЕГОРОВА

“Русская революция явила собой грандиозный взрыв невиданных сил, прорвавших и размывших устои, некогда казавшиеся неизбежными. В глазах русских художников она предстала как разгул той же могучей стихии, в которой трагически обнажились потаенные глубины человеческой природы – светлые, гуманистические начала и темные, звериные, идущие от первобытных инстинктов”. Эти строки из одной из первых критических работ Сергея Куняева о Сергее Есенине “Трагедия стихии и стихия трагедии” (*“Жертвенная чаша”, М., “Голос-Пресс”, 2007*) можно назвать пророческими и многое определившими в судьбе самого литературоведа – написанные о первой русской революции, они точно и ясно передают мироощущение конца XX – начала XXI века. Сергей Куняев как писатель окончательно сложился в труднейшие для России 1990-2000 годы – годы русской революции и русской смуты. Принадлежащий к поколению, которое по разным причинам долго не пускали в литературу, как писатель он выживал трудно, работал постоянно и каторжно, прекрасно понимая, что в сложившейся ситуации литератор может выжить только вопреки всему. В мире, где унижалось и разрушалось русское, он писал о русском. В пограничной России, которая в очередной раз шла на Голгофу, он вставал на защиту России и писал о другой, отделённой от нас на столетие Русской Голгофе. Книги его не могли быть востребованы – но вопреки всему востребованы были. Работа “Сергей Есенин” Станислава Юрьевича и Сергея Станиславовича Куняевых сразу после выхода в свет в 1995 году стала самой популярной, самой шумной, самой востребованной единомышленниками и самой травмированной оппонентами книгой, ибо Станислав и Сергей Куняевы доказательно, громко и неопровержимо сказали о Есенине то, о чём без малого столетие говорили шёпотом и чего долгие годы ждали все. В 2005 году книга была названа лауреатом конкурса “115 лет ЖЗЛ” как самая популярная книга серии “Жизнь замечательных людей”. Десять лет беспрерывного читательского интереса и читательской любви –

любви, не ослабевающей до сих пор. В какой-то мере это литературоведческое исследование разделило судьбу Есенина, так что, даже не подозревая об этом, говорившие о своём великом герое авторы и о самих себе сказали точные и ёмкие слова: “Вокруг его имени и его стихов вот уже восемь десятилетий не смолкает шум. И кажется, что это продолжат шуметь он сам – вечный бунтовщик и крамольник, чудо природы, уникальная фигура в истории XX столетия. Будет шуметь, пока будет жива Россия”.

Всем литераторам известна истина – чтобы твои книги любили читатели, ты сам должен вложить в них огромное количество любви. Вот это качество у и назвала бы самым главным в

творчестве Сергея Куняева. Рецензенты его книг единодушно отмечают высочайший профессионализм литературоведа, огромную проделанную им архивную исследовательскую работу, обилие новых фактов и уникальных документов, внимательную, скрупулезную проработку деталей. И всё-таки каждая книга Сергея Куняева это прежде всего плод великой и безграничной любви – щедрой, долготерпеливой, забывающей себя, готовой душу свою положить “за други своя” и добиться того, чтобы поэт, о котором взялся говорить исследователь, жил в русской литературе полнокровной и живой жизнью. Наверное, именно поэтому работы эти настолько значимы, что многое в понимании русской литературы после прочтения книг Куняева меняется. Не только трагедия Есенина, очищенного от клеветы и грязи, после его литературоведческих изысканий впервые предстала в истинном свете.

Впервые в русской литературе им было написано серьёзное исследование о жизни и гибели одной из звёзд первой величины на небосклоне русской поэзии – “русского беркута”, “русского азиата” Павла Васильева, органично, сильно и ярко продолжившего линию Клевева и Есенина и точно так же, как они, – обогланного, затравленного и убитого. А уж о том, что Сергей Куняев сделал, чтобы в настоящем виде вернуть русской литературе оклеветанного, смешанного с грязью, пострадавшего за Христа Клевева – говорить не приходится. Сергей Куняев пишет о Клеве как о самом большом поэте Серебряного века – и это минувшее всем сердцем любимого им всенародного гения Есенина, всегда по праву считавшегося первым блистательного, бездонного, непостижимого в своих неотмирных глубинах Блока. Неприятия и возмущений такое заявление может вызвать множество. Но всё же неумолимые факты говорят о том, что значимость вести, которую принёс в русскую литературу своим творчеством Николай Клеве, бездонная глубина вложенных в его стихи вечных смыслов, пожалуй, не может сравниться ни с чем. Ибо что может быть важнее живого свидетельства о старовеках, столетия молчаливо хранивших в своих сердцах народного Христа, за Христа страдавших и загоровивших наконец-то языком златоустого Николы? Явление в русской поэзии Николая Клевева подобно явлению града Китежа, всплывшего и тут же затопленного, возведенного на Крест, отправленного на смертную муку.

“Для старовека сожжение Аввакума, основание Выговской обители, Соловецкое страстное сидение – это не история, – пишет Сергей Куняев. – В контексте Большого Времени, вбирающего в себя макрокосм отрезка в человеческую жизнь, – это всё было вчера” (*“Николай Клеве”, М., “Молодая гвардия”, 2014*).

Не случайные слова – в контексте Большого Времени. Именно в контексте Большого Времени написаны все книги Сергея Куняева. Ибо пишет он не столько биографии, сколько жития поэтов – по серьёзности взгляда, широте охвата исторического материала, глубине мысли, внутренней молитвенности, отрешённости от земных правд во имя высшей Небесной Истины все литературоведческие исследования Сергея Куняева перерастают рамки биографического жанра и перетекают в жанр пустые и светских, но все равно житий, ибо у каждого из его героев с точки зрения Большого Времени, а если точнее, с точки зрения Вечности жизнь однажды кончается и наступает житие. Да и сам Сергей Куняев по природе своего дара

принадлежит к людям, остро чувствующим трагическое и подспудно стремящимся не к катарсису, но к кеносису – уподоблению Божественному Страданию Христа. Для него это главное внутреннее мерило, с которым соотносится его суд литературоведа, ибо даже при “отпадении от культа” русская литература является его порождением, а без соотнесенности с высокой точкой Креста и Воскресения, вокруг которой вращается последнее русское тысячелетие, и земное слово, и земное страдание бессмысленны. О грешных мучениках русской поэзии Сергей Есенин, Павел Васильев, Николай Клеве Сергей Куняев не только написал предельно честные светские жития, максимально приближенные к атмосфере ежесекундного поэтического творческого и мученического горения, не только с предельной болью и любовью постарался отмыть их от хулы, клеветы, грязи – он ещё и стоял у Креста каждого из них – многотрапных русских соловьев, мучеников, убитых за земное поэтическое слово. Стоял на Русской Голгофе.

О революции, о Русской Голгофе – вернее, об “окаянных годах” революции прошлой из “окаянных лет” революции нынешней – написаны все книги Сергея Куняева.

Внутренне ориентирующийся на Большое Время, а точнее, на Вечность, Сергей Куняев имеет дерзновение и дерзость писать реальную, трагическую, многие десятилетия замалчивавшуюся историю русской литературы XX века. Историю жертвы, принесённой русскими писателями за Россию. Не случайно книга его избранных статей о литературе XX века называется “Жертвенная чаша”.

Круг литературных интересов Куняева широк – это новокрестыянские поэты и Борис Корнилов, Ярослав Смеляков и Пимен Карпов, Сергей Марков и Николай Заболоцкий, а след за ними – наши опаленные хилолетием, стоящие у Креста расинаемой России современники – Николай Тряпкин, Юрий Кузнецов, Виктор Лапшин, прозаики Вера Галактионова и Николай Шпилев. Столь же закономерно и обращение Сергея Куняева к творческому наследию двух русских мыслителей, многое определивших в современном мировоззрении – вечным антагонистам на мелях малого времени и вечным единомышленникам в Большом Времени истории и литературы – Вадиму Кожину и Татьяне Глушковой.

...Высочайший профессионализм литературоведа и архивиста, редкие интеллект и патриотизм неизменно отмечают все рецензенты Сергея Куняева. А я бы ещё назвала Куняева поэтом – и потому что при точности и густоте письма он неизменно поэтически вдохновен и ярок в своём творческом полете, и потому что так глубоко прочитал и понять поэтов может только поэт. Неизбежно придется назвать Сергея Куняева прекрасным прозаиком – ибо эти напряженные, захватывающие, динамичные, наполненные жизнью повествования не только написаны прекрасным языком, но и композиционно построены по законам романа, а потому по всем канонам они явления русской прозы.

И, наконец, невозможно не сказать о Сергее Куняеве как о мыслителе – потому что книги его не только движутся напряженной, ищущей, возыскующей мыслью, но и полны важнейших открытий – не только фактических, но и мировоззренческих.

Всё это делает книги Куняева не только ярким и значительным явлением в литературоведении, но и ярким, значительным, глубоким и полноправным явлением русской литературы и русской действительности, ибо глубиной и важностью поставленных вопросов и умением распылять и донести до читателя биение и многоголосие живой жизни, в контексте Большого Времени увидеть события истории как произошедшие вчера – он далеко выходит за узкие рамки традиционного литературоведения.

Жизнь в русской литературе его любимых обогланых, оклеветанных, затравленных русских поэтов, прозаиков, мыслителей для него куда важнее его личных изысканий. И это право на жизнь своих героев он отстаивает ценой самоотвержения, каждодневного подвига и каждодневного труда. Ведь за Голгозой всегда следует Воскресение.

Вот для этого земного воскресения в русской литературе, для того, чтобы не распадалась “цепь времен”, для вечной памяти и вечного бытия работает Сергей Куняев.

К 55-летию Юрия Павлова

Жан Жак Руссо однажды сказал: “Честь человека не во власти другого; честь эта в нём самом и не зависит от общественного мнения; защитой ей служит не меч и не щит, а честная и безупречная жизнь, и бой в таких условиях не уступит в мужестве всякому другому бою”. К профессиональной деятельности Юрия Михайловича Павлова – современного публициста и критика – это изречение подходит оптимально. Все, кто знаком с публикациями Юрия Павлова (а у него их около 200), согласятся, что критик продолжает бой, начатый ещё в 19 веке и продолжающийся по сей день. И, если цитировать Юрия Селезнёва, это бой “за наши души, за нашу совесть, за наше будущее”. Правда, “армия” русских патристических воюющих, у которых оружие – слово и “перо”, а поле боя – литература и СМИ, сегодня не так велика. Но среди них сильным войном, всегда стоявшим у “линии фронта”, был и остаётся Юрий Павлов.

Ещё будучи студентом Кубанского госуниверситета Юрий Павлов через книгу Олега Михайлова “Верность”, работы Юрия Селезнёва, Вадима Кожина и других “правых” критиков-мыслителей приходит к этим же убеждениям и взглядам, которым остаётся верен и сегодня. Его критическая деятельность – это развенчание мифов о литературе, критиках, писателях прошлого и современности. “Русским критикам, журналистам, читателям необходимо развенчивать эти мифы, разгребать этот мусор, который навалили на русского человека”, – утверждает Юрий Павлов.

Основные статьи его собраны в книгах “Критика XX-XXI веков: Литературные портреты, статьи, рецензии” и “Человек и время в поэзии, прозе, публицистике XX-XXI веков”. Эти статьи являются ярким примером того, как и каким образом необходимо обличать вымысел, говорить правду. Ирина Гречаник в статье “Остаться самим собой: философская метакритика Юрия Павлова” пишет: “При знакомстве с книгой Юрия Павлова и её ведущими идеями мне вспомнились слова В.В. Розанова: “Достоевского я читал как родного, как своего...”. И дело не столько в полном приятии трансформируемых мыслей, сколько в подспудном иррациональном ощущении чего-то выверенного, настоящего – такого, чему сразу даётся право на жизнь, чему потом можно посвятить время, чтобы логически достраивать и “додумывать”...”. Действительно, точность суждений, смелость правдивых высказываний, отличная от многих критиков современности способность называть вещи своими именами, – вот что мы видим в статьях Юрия Павлова. Остановимся на некоторых из них.

“Василий Розанов: “человек-соло”, – такой статей начинает разговор о критике прошлого и нынешнего столетий Юрий Павлов. В этой статье он утверждает: “Любой серьёзный разго-

вор о литературе, истории, России не мыслим без Василия Розанова”. Этот русский религиозный философ – один из самых оригинальных литературных критиков Серебряного века. Николай Бердяев однажды сказал, что “литературный дар его был изумительный, самый большой дар в русской прозе”. Религия, церковь, вера в жизни человека и русского народа,

Мария ОСТАПЕНКО

семья, Родина – это основные темы, которые объединяют статьи Розанова. Юрий Павлов в данной работе приходит к такому выводу: “Розанов характеризует церковь через соборность (хотя это понятие и не называется), а “русскость” определяет через воцерковлённость личности, подходя вплотную к известному высказыванию Ф.Достоевского: русский значит православный. С таких позиций оцениваются мыслителем культуры, народы, человек, творчество писателей, литературные персонажи”. Юрий Павлов рассматривает личность и творческий путь Розанова с упоминанием таких выдающихся литературных имён как Достоевский, Страхов, Леонтьев и через анализ главных работ философа – “Опавшие листья”, “Уединённое”. Кроме того, Павлов указывает на ошибочность высокой оценки критической деятельности самого Виссариона Белинского, которую дал Василий Розанов: “Наделил его такими качествами, каких не было, или, если и было, то не в такой степени и концентрации”. Действительно, вклад Белинского в развитие отечественной критики довольно противоречивый, “состоял в том, что он заложил основы вульгарно-социологического подхода к личности и литературе вообще”, – убедительно и доказательно утверждает Павлов.

Такой подход (“мысль” – “доказательство”) – отличительная черта всех статей и рецензий Юрия Павлова. И “Вадим Кожин: штрихи к портрету на фоне эпохи” – не исключение. Как сказал сам критик о своей статье, “это “лоскутное” одеяло, состоящее из большей части той работы двадцатилетней давности и фрагментов, написанных в 2002, 2003 и 2007 годах”. А эти отдельные эпизоды из жизни Кожина в своей совокупности превращают статью в одно большое исследование его жизни и творчества. Юрий Павлов – один из первых отметил роль Вадима Кожина в отечественной критике 20 века, указав влияние Василия Розанова и Михаила Бахтина на судьбу мыслителя. При выборе “лоскутков” для одеяла-портрета Кожина он не делит их на “удобные”, “запретные”, “выгодные”. А говорит о том, что было в действительности, не замалчивая что-либо и не скрывая отдельные факты. Именно эта “писательская” черта отличает работы Павлова. Даже “запретная” для обсуждения проблема

русско-еврейских отношений в работе критика становится незапретной, рассуждая о ней, о шабегостстве и антисемитизме Кожина, Павлов меняет типичную картину, давая собственные оценки многим явлениям культурного, философского, исторического процессов.

Александр Казинцев, выступая на “павловской” конференции “Наследие Ю.И. Селезнёва

В сражениях против ажу

и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории”, отметил: “Юрий Павлов – подлинный подвижник. Не просто известный учёный, доктор филологических наук, профессор, Юрий Михайлович – просветитель. Он приобретает к высшим достижениям современной отечественной литературы и русской мысли, ошеломляя слушателей открывающимися духовными горизонтами”. К этим точным характеристикам хочется добавить, что Юрий Павлов – защитник. Он на протяжении всей деятельности отстаивает высшие духовно-нравственные ценности, Родину, русское художественное слово. А в этом его схожесть с Михаилом Лобановым, в своей статье о нём Юрий Павлов выделяет следующие качества, которые ценит мыслитель в человеке: “подлинность переживания, подлинность и самобытность жизни”. Православие, семья, народность, “твердыня духа”, – это темы, которые “красной нитью” тянутся через всё творчество Лобанова. А главное, что отличает критика, по мнению Юрия Михайловича, это то, что он пишет “с любовью”.

Такую характеристику Павлов никак не может дать, например, “эстетствующему интеллигенту” Бенедикту Сарнову, исследователю жизни Владимира Маяковского. Юрий Михайлович указывает на арифметические, фактологические, исторические ошибки в книгах Сарнова “Маяковский. Самоубийство”, “Случай Мандельштама”. Павлову удалось провести гораздо более серьёзное и тщательное исследование, чем Бенедикту Сарнову, неоднократно допускающему ошибки в годах, датах, даже смерти самого “заморского страуса, в перьях строк, размеров и рифм”. “Там, где Сарнов делает выходы на историю литературы, на творчество разных авторов XIX-XX веков, как правило, возникает проблема фактического и концептуального планов”, – заключает Юрий Павлов.

Разбирая критический путь Игоря Золотусского, Юрий Михайлович отмечает, что это “один из лучших критиков второй половины XX века”. Основываясь на “золотусских” типах современной критики – публицистически-социологическая, эстетическая, философская – Юрий Михайлович рассуждает о назначении критики, её разновидностях и о самостоятельности мысли

даёт высокую оценку книге Золотусского о Николае Гоголе. Но остаётся самим собой, призывая говорить правду, Павлов не соглашается и с некоторыми высказываниями об известных личностях в сферах политики и куль-

туры 20 столетия: “Скажу предельно кратко: Ельцин, на мой взгляд, – это самый зловещий и мерзкий руководитель страны не только в XX веке, но и, наверное, во всей истории России. И стыдно, больно, что Игорь Золотусский написал такое”. “Умалчивать” то, о чём нужно говорить, – это не для Павлова.

Ярким показателем принципиального отношения к литературной действительности являются статьи о Владимире Лакшине, Игоре Дедове, Владимире Бондаренко. Особо выделяется статья о “русском витязе в Третьей Мировой” Юрии Селезнёве, ведь этот выдающийся мыслитель оказал огромное влияние на мироощущение критика. Павлов организовал на факультете журналистики Кубанского университета ежегодные Селезнёвские чтения, из года в год приглашая в стены вуза именитых прозаиков, критиков и писателей. “Селезнёв, ссылаясь на традицию народного мировосприятия, писал: “Человек жив, пока жива память о нём”, – утверждает и Юрий Павлов. – И сегодня у нас есть все основания утверждать, что через 24 года после физической смерти Юрия Селезнёва он жив”.

В книге о критике 20-21 столетий можно найти и другие статьи Юрия Павлова. Каждая из

них – своеобразная “диссертация” о личности и творческом пути того или иного автора, глубочайшее погружение в тему. Ирина Гречаник в вышеуказанной статье пишет: “Создавая литературно-критические портреты, Юрий Павлов всегда обращается к “истокам” личности – выявляет скрытые или явные причины, заставляющие критика вступить на тот или иной путь”. Так, о Владимире Бондаренко Юрий Михайлович пишет как о “врачевателе любовью” за широту взглядов, за обращение к “чужому” лагерю, а, “рисую” портрет Александра Казинцева, он выделяет особенность, характерную для всей отечественной литературы, – “русскую матрицу”. С уважением критик пишет о Сергее Куняеве, есенинове, который на протяжении всего литературного пути восстанавливает истинную историю русской литературы 20 века.

Читая статьи Юрия Павлова, видишь чёткое деление всех отечественных писателей и поэтов на русских и русскоязычных. Андрей Безруков пишет, что это отличие Павлов “...проводит так четко и ясно, что только зашоренный гуманист или страдающий либеральным дальтонизмом не увидит очевидного: деление литературы на русскую и русскоязычную не есть очередная попытка очередного “асфальтового” националиста навести “русский порядок” в мире свободного самонадеянного художественного слова. Это ответственная аргументированная констатация сложившегося положения вещей”.

Рассматривая объёмную работу Александра Солженицына “Василий Белов”, Павлов возражает по поводу социально-исторической связи событий повести “Привычное дело” Александром Исаевичем, а также указывает на неверную интерпретацию фактов и событий повести. Разоблачаяним: “наставления Солженицына на деревенскую тему, адресованные Белову, воспринимаются с ироническим удивлением, ибо Александр Исаевич, конечно, сельской жизни не знал”. А главная, по мнению Юрия Павлова (а с ним нельзя не согласиться), ошибка Александра Исаевича в том, что он не увидел основной темы повести Василия Белова, – любовь ко всему, в разных её проявлениях: между мужицкой и женщиной, к детям, к земле, природе, малой Родине.

В статье “Спать любовью” Андрей Безруков пишет: “По силе научной аргументации, умения “мыслить в фактах” Юрий Павлов близок Вадиму Кожину, по накалу русского чувства – Юрию Селезнёву, по верности народной правде – Михаилу Лобанову, по мужеству, несгибаемой преданности Отечеству – каждому из них и другим представителям кортежа русских воинов на Третьей мировой – Валентину Распутину, Василию Белову, Леониду Бородину, Юрию Лоцицу, Станиславу Куняеву, Владимиру Бондаренко...”.

Действительно, все они – воины одной не столь большой, но могучей армии против лжи.